

УДК 82-32

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-3

Л.К. ОЛЯНДЭР,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой славянской филологии*

Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки (г. Луцк)

«ПУШКИН – НАШЕ ВСЕ» В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье характеризуются концептуальные подходы О.В. Богдановой, С.Б. Бурого, И.М. Дзюбы, Л.Ф. Киселевой, В.В. Кожанова, М.К. Мамардашвили, В.Б. Мусий, *В.И. Новикова, Е.А. Сверстюка*, Э.В. Слининой, *И.Я. Франко*, Л.Г. Фризмана, Т.Н. Шеметовой и др. к роли А.С. Пушкина в литературе и культуре. Большое внимание уделено спорным смысловым наполнениям григорьевского афоризма «Пушкин – наше все». В опоре на прием *рядоположения* исследовательских работ указанных авторов осмысливаются диалогические отношения между ними, доказываются их взаимодополняющая и корректирующая функция. Продемонстрировано, как фризманский «Семинарий по Пушкину», рядоположенный с монографией О. Богдановой «Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.», создает условия реципиенту для конкретизации им присутствия А. Пушкина на *метатекстовом* уровне ее текста во многих главах книги, но, прежде всего, в тех, где речь идет об А. Чехове. Выражение/формула А. Григорьева «Пушкин – наше все» рассматривается, исходя из понятия *присутствие*, введенное в научный оборот Л.Ф. Киселевой в монографии «Пушкин в мире русской прозы XX века». Монография О.В. Богдановой и монография Л.Ф. Киселевой закономерно представлены как литературоведческая диалогия: в первом случае речь идет о присутствии А. Пушкина в литературном процессе конца XIX – начала XX вв., во втором – в XX в. Проанализированные бинарные оппозиции – «Пушкин – наше все» и «Пушкин и наше все».

Ключевые слова: афоризм, бинарность, дискурс, карнавальность, текст, метатекст, модель, нарратив, присутствие, «Пушкин – наше все», А. Пушкин, И. Франко, Т. Шевченко.

У статті характеризуються концептуальні підходи О.В. Богданової, С.Б. Бурого, І.М. Дзюби, Л.Ф. Кисельової, В.В. Кожанова, М.К. Мамардашвілі, В.Б. Мусій, *В.І. Новикова, Є.О. Сверстюка*, Э.В. Слининої, *І.Я. Франка*, Л.Г. Фрізмана, Т.Н. Шеметової та ін. до ролі О.С. Пушкіна в літературі та культурі. Велику увагу приділено спорним смисловим дослідницьким працям указаних авторів, осмислюються діалогічні відношення між ними, доводиться їхня взаємодоповнююча і коригуюча функція. Продемонстровано, як фрізманський «Семинарий по Пушкину», рядоположений із монографією О. Богданової «Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.», створює умови реципієнту для конкретизації ним присутності О. Пушкіна на *метатекстовому* рівні її тексту у багатьох розділах книги, але передусім у тих, де йдеться про А. Чехова. Вислів/формула А. Григорьева «Пушкін – наше все» розглядається, виходячи з поняття *присутності*, уведеного до наукового обігу Л.Ф. Кисельовою в монографії «Пушкин в мире русской прозы XX века». Монографія О.В. Богданової та монографія Л.Ф. Кисельової закономірно представлені як літературознавча діалогія: у першому випадкові йдеться про присутність О. Пушкіна в літературному процесі кінця XIX – початку XX ст., у другому – в XX ст. Проаналізовано бінарні опозиції – «Пушкін – наше все» та «Пушкін і наше все».

Ключові слова: афоризм, бинарність, дискурс, карнавальність, текст, метатекст, модель, нарація, присутність, «Пушкін – наше все», О. Пушкін, І. Франко, Т. Шевченко.

...во всей современной литературе нет ничего истинно замечательного и правильного, что бы в зародыше своем не находилось у Пушкина.

Аполлон Григорьев. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина.

«Пушкин (и вслед за ним уже многие другие в литературе) ничего не выражал, ничего не «представлял», не «отражал» и уж, тем более, никому не поставлял предметов духа для «законных наслаждений». Пушкин, Тютчев, Достоевский, Толстой целую Россию пытались родить (как и себя) из этих произведений... такие люди сами и были Россией, возможной Россией».

Мераб Мамардашвили. Как я понимаю философию [13].

Как известно, определение исключительной роли в русской литературе пушкинского творчества А. Григорьевым: «Пушкин – наше все», – вышло за рамки искусства слова. Проникнув в философский и литературоведческий дискурс, оно явилось выражением важной части не только русского сознания, но и сознания представитель других народов, представ у них в парадигматическом виде: «Пушкин и наше все». Литература на эту тему велика [2; 5; 26], **но, тем не менее, актуальность поставленной проблемы подтверждается, в свою очередь, устремлениями ученых постичь и осмыслить суть этого феноменального явления, о чем красноречиво свидетельствует уже только заголовок / вопрос статьи Г.М. Седовой: «Почему “Пушкин – наше все”?» [20]. Отсюда цель статьи состоит в том, чтобы – хотя бы в некоторых основных моментах – раскрыть еще некоторые стороны этой проблемы, прибегнув к такому продуктивному приему, как рядоположение непосредственно самих текстов, принадлежащих разным ученым. Именно этим приемом обеспечивается возникновение – независимо от воли авторов – межтекстового диалога, который и дает реципиенту возможность четче выявить смыслы, заключенные в рядоположенных работах, что способствует активизации у него дивергентного мышления.**

Проходят века, бурно сменяются эпохи, гигантские катастрофы сотрясают Европу и мир, все – и это на протяжении только одного поколения – меняется с такой невообразимой скоростью, что, кажется, человек обретается в какой-то калейдоскопической действительности. Его мысль, не успев осмыслить только-только пережитое, должна была молниеносно реагировать на запросы уже совсем другого времени, в котором привычные устои рушились, а новые, не успев возникнуть, тут же отступали перед возникающими переменами. Стремясь преобразовать хаос видимого в целостную картину, человеческая мысль рождает многочисленные философские и религиозные системы, бесчисленные литературные направления и течения. И вот в такой ситуации в русском сознании неизменно продолжает жить и развиваться в своей многоаспектности утверждение/загадка: «Пушкин – наше все». Вернее сказать, таких загадок **большое количество, и хотя на определенном временном отрезке значительная часть из них аналитически рассмотрена, в частности в монографии Т. Шеметовой «Пушкин в русской литературе XX века. От Ахматовой до Бродского» (2017), многое еще подлежит осмыслению, ибо амплитуда толкований неизмеримо велика: от глубоких исследований вопроса до, на наш взгляд, чрезмерно прямолинейного понимания григорьевского афоризма как апологетики поэта. О последнем можно было бы и не говорить, если бы оно, будучи связано с именем выдающегося украинского ученого-руссиста и пушкиниста Л.Г. Фризмана (1935–2018), не требовало размышлений.**

Л. Фризман – автор ряда статей о великом русском поэте: «Пушкин и Рылеев. Уроки великого спора», «Поэт и время», «“На фоне Пушкина”. Пушкинский отзвук у Галича и Окуджавы» [24], – конечно, был не только глубоким, тонким знатоком и почитателем пушкинского творчества, но и пушкиноведением, что привело его к созданию уникального по своему содержанию и структуре «Семинария по Пушкину» (1995). Взгляды Л. Фризмана на пушкинистов-предшественников отличались уважительностью и подлинно научной критичностью. Отдав должное книге Б.С. Мейлаха и Н.С. Горницкой «А.С. Пушкин. Семина-

рий» (1959) и учитывая их опыт, Л. Фризман акцентирует *огромные шаги науки* об А. Пушкине [26, с. 8–9] и **сосредотачивается на новых ракурсах «проблем, подлежащих изучению», которые «видятся иначе, чем сорок лет назад» [26, с. 9].** Надо сказать, что фризманский «Семинарий по Пушкину» – вкуче с дополняющей его диссертацией М.В. Литовченко «Пушкинская традиция в прозе А.П. Чехова» (2007), где представлен «огромный пласт материалов критики и литературоведения» [10, с. 145], – **рядоположенный, например, с монографией О.В. Богдановой «Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.»**, создает условия для конкретизации присутствия А. Пушкина на всех уровнях этого текста, в т. ч. и *метатекстовом*, во многих главах книги, но особенно в тех, где речь идет об А. Чехове, потому что с именем А. Пушкина исследовательницей в *метатекстовом пространстве актуализуется и по сей день волнующая литературоведческую мысль тема – «Чехов и Пушкин».*

При рядоположении текстов разных авторов создаются условия, способствующие восприятию **богдановского видения пушкинского присутствия в творчестве А. Чехова в русле пространственно-временного континуума чехововедения.** Активизируя дивергентное – не линейное – мышление, метод рядоположения разноаспектных исследований позволяет охватить все разнообразие специфики А. Пушкина – разумеется, не только у А. Чехова – и осмысление этого уникального явления, представленного, в частности, и в монографии О. Богдановой, в контексте **достижений современного литературоведения.** Что касается пушкинской роли в чеховском творчестве, то она очень точно выражена Л. Толстым в его афоризме: «Чехов – это Пушкин в прозе» [9, с. 325]. И заслуга Л. Толстого состоит в том, что он **«вывел» емкую формулу, которая наполняется [18] и вновь требует постоянного наполнения новым конкретным содержанием.**

«Семинарий...» Л. Фризмана и другие современные литературоведческие жанры, где анализируются статьи и монографии, посвященные теме «Чехов и Пушкин», уже дают представление о сделанном как интересном, но все еще недостаточным результатом, хотя прорыв сделан большой. Ведь, кажется, совсем недавно, в конце 60-х гг. прошлого века Э.В. Слина в статье «Чехов и Пушкин», опубликованной в «Пушкинском сборнике» (Псков, 1968), отмечала, что имеющийся интерес к проблеме «А. Чехов и А. Пушкин» не привел еще к написанию «отдельных работ», несмотря на фрагментарные записи у Б.В. Томашевского, С.М. Бонди, С. Долинина, С. Мейлаха [21, с. 132]. **Она справедливо акцентирует чеховскую «правильную постановку вопросов в литературе, которой он учился у Пушкина» [21, с. 139]. И одновременно видит недостаток в том, что часто употребляемые слова, призванные определить «внешнее сходство»: точность, краткость, объективность, простота – «не могут выразить значительно более тесную связь между творчеством Чехова и Пушкина, чем та, которая иногда возникает при прямом воздействии, сюжетном заимствовании», и что «эта связь более значительна и глубока, чем прямой художественный спор или безусловное поклонение авторитету большого и общепризнанного художника» [21, с. 139].**

И вот, начиная с 70-х гг. XX в., все быстро продвигается вперед в самой постановке проблемы «Пушкин и Чехов», о чем говорит фризманский «Семинарий по Пушкину», где список позиций еще невелик. Но как широка география проводимых исследований – это и Москва, и Тула, и Кемерово, и Горький (Нижний Новгород), и Пермь. Кроме того, список сопровождается комментариями ученого, которые не только указывают на то, как расширил диапазон исследований, но и кратко характеризуют их:

«Высказывания Чехова о Пушкине. Ироническое и неприязненное отношение Чехова к противникам Пушкина. Чехов – критик статей Писарева о Пушкине. Пушкинские эпитафии и цитаты в произведениях Чехова, их функция. Пушкин в восприятии чеховских персонажей. Пушкинские реминисценции у Чехова. Черты типологической общности у прозы Пушкина и Чехова. Разработки сходных сюжетов» [26, с. 256].

В приведенном фрагменте значимо указание Л. Фризмана на заинтересованность ученых ролью эпитафий и цитат в текстах А. Чехова, что способствует раскрытию новых перспектив в чеховедении.

Особенное внимание привлекает к себе заголовок статьи С.Ю. Николаевой и И.Б. Троицкой – «Пушкин на страницах Чехова» [26]. Потому что при рассмотрении этой и других работ в условиях их рядоположения, что вкупе составляет целостную картину, следует подробнее остановиться на десятой статье/главе в монографии О. Богдановой «Еще один футлярный герой А.П. Чехова: рассказ “Крыжовник”», которая предваряется необычно поданным – цитатой А. Пушкина – эпитафией из Библии:

«Что есть истина?»

Эпитафия к стихотворению А. С. Пушкина “Герой” [3, с. 3].

То, что слова взяты не прямо из Библии, а из пушкинского текста и с отсылкой к нему, усиливая тем самым присутствие А. Пушкина в чеховском тексте, является, с одной стороны, смыслообразующим элементом в системе художественного целого. И одновременно Библейский эпитафия тем, что «взят из рук» А. Пушкина, стимулирует воображение читателя, его способности вслушиваться в диалог чеховского и пушкинского текстов, всматриваясь в возникающее *метапространство*. Такое вслушивание и – как следствие – обнаружение глубинных смыслов, раскрывающихся в процессе взаимодействия стихотворения «Герой» с рассказом «Крыжовник», способствует формированию интенций многоаспектной направленности, прежде всего религиозного и философского характера. А в связи с тем, что этот эпитафия одновременно относится сразу к двум произведениям – пушкинскому и чеховскому, – возникает необходимость вновь обратиться к стихотворению А. Пушкина «Герой», сосредоточив особое внимание на сюжетостроении и той роли, какую выполняет цитата из Библии в процессе его становления. Взятый А. Пушкиным в эпитафия вопрос: «Что есть истина?», коррелируя с четвертой строфой, где изложенные реальные и мифические события из жизни Наполеона [22, с. 134], образуют сюжет в сюжете: – мифологизированный случай из наполеоновской биографии, а в подтексте – события на Голгофе. Все это емко выражено непосредственно через дискурс:

Нет, не у счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнь свою
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

[17, с. 199–200].

Анализ процитированной строфы показывает, что в ней за словами: «...на скалу (читай Голгофу) свою / Сев (читай: восходил), мучим казнию ... / Осмеян прозвищем героя (читай: Царя), / Он угасает недвижим (читай на кресте) – ассоциативно возникает образ Христа, переносающего мучения перед казнью и во время казни. Благодаря мысленной парафразе за строками из «Героя»: «...там, где на скалу свою Сев, мучим казнию покоя, / Осмеян прозвищем героя / Он угасает недвижим...» – проявляется Евангельский текст:

«...воины стали *насмехаться* над ним – вставали на колени, кланялись и говорили: «Радуйся, Царь иудейский!», а после *плевали* на Него и били тростью по голове и лицу [Мк15:19].

А строки: «...кто жизнь свою своей / Играл пред сумрачным недугом, / Чтоб ободрить угасший взор, / ... тот будет *небу другом*» коррелируются заповедью Христа: «*Возлюби ближнего твоего, как самого себя*» (Мф. 22:39).

Здесь нет необходимости анализировать стихотворение «Герой», которое достаточно широко и дискуссионно представлено в пушкиноведении [1, с. 538, 551; 12, с. 225, 258; 21, с. 134; 144, 200 и др.]. Лишь подчеркнем, что рядоположение *статьи / главы* из монографии О. Богдановой «Еще один футлярный герой А.П. Чехова: рассказ “Крыжовник”» с «Семинарием...» Л. Фризмана и др. работами, позволяет хорошо ориентироваться в этом вопросе. Но при этом важно акцентировать другое: взятый О. Богдановой пушкинский эпиграф раскрыл перед ней новые горизонты видения и позволил ей, отметив большие достижения В.И. Тютю, А.П. Чудакова, М.Н. Литовченко, М.М. Одесского и мн. др., «с новой точки зрения расширить представление о смысловой контентности чеховского текста» [3, 314]. Связав пушкинский эпиграф с цитированными Иваном Ивановичем Буркиным, героем «Крыжовника», строками из «Героя»: «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...» [3, с. 324], – О. Богданова не только усилила диалог чеховского текста с пушкинским текстом. Исследовательница тем самым расширила пространственно-временной континуум, где зазвучали – как интертекстуальность – голоса И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.А. Гончарова, Л. Толстого, той плеяды, которая, по мысли М. Мамардашвили, была Россией, возможной Россией» [13, с. 187]. **Обнажая чеховские приемы, которыми обозначается значимость ввода писателем этих голосов, О. Богданова** лишний раз утверждала, говоря слегка трансформированными словами Ю. Лотмана, что русская литература следовала, на наш взгляд, главному пушкинскому завету – не сводить «неисчерпаемость жизни сводить к завершенности» не только «литературного текста», но и характеров, и типов.

Тщательный текстовый анализ позволил ей прийти к иным выводам, чем другие известные чеховеды, в частности И. Сухих, доказав, что человеком в футляре был не Николай Иванович, который в маленьком именице развел крыжовник и тем был счастлив, а Иван Иванович. Но свою задачу О. Богданова осуществила не путем открытой полемики, когда выискиваются «слабые» стороны оппонента, а путем обоснования своего видения, путем рядоположения противоположных концепций, объективно отразив в подстрочнике позицию другого [3, с. 331]. Более того, ее подход – в т. ч. благодаря акцентуации пушкинского присутствия – позволяет реципиенту «включать» чеховское видение в литературный контекст будущего.

Но при взаимодействии рядоположенных работ чеховедов, представленных Л. Фризманом и М. Литовченко, с монографией О. Богдановой не только проясняется метатекстовое пространство ее десятой главы, к примеру, тут рассмотренной. Но и, наоборот, богдановские аллюзии, уловляющих переклички представлений о счастье Николая Ивановича, чеховского персонажа, мечтавшего «есть свои собственные щи», с мечтами бедного Евгения («Медный всадник») и пушкинскими словами из «Евгения Онегина»: «Мой идеал теперь хозяйка. / Мои желанья – покой, / Да щей горшок, да сам большой» [3, с. 324], – **обогащают** выводы чеховедов о том, что А. Чехов, как и его великие предшественники, умел ставить вопросы. И аллюзии О. Богдановой наглядно убеждают в этом.

Уже только один этот пример из монографии О. Богдановой – а их множество, – **раскрывающий подлинное смыслообразующее значение пушкинского присутствия в чеховском тексте, доказывает, как далека формула А. Григорьева «Пушкин – наше все»** от апологетики.

Справедливости ради нельзя упускать из вида и то, что сам Л. Фризман в статье «“На фоне Пушкина”. Пушкинские отзвуки у Галича и Окуджавы» убедительно продемонстрировал жизнь произведений А. Пушкина в творчестве поэтов второй половины XX в.

И тем не менее, в своей монографии «Иван Франко: взгляд на литературу» (2017) он полемически обостренно квалифицировал афоризм А. Григорьева: «Пушкин – наше все», – только как апологетику, прибегая к парафразе:

«Шевченко, – пишет Л. Фризман, – был для Франко великим писателем, но не предметом *культы*. Он никогда не изрекал *сентенций*, вроде «Шевченко – это наше все» (Тут и далее курсив мой. – Л. О.) [23, с. 194].

Такая полемически заостренная трактовка Л. Фризманом григорьевской фразы говорила о настойчивом протесте ученого о сотворении из писателя культовой фигуры, что не вызывает возражений. Л. Фризман неоднократно и до конца своей жизни привлекал внимание к тому, что создание культа Пушкина приносило огромный вред и пушкиноведению. Доказательством служит его речь на тему «Пушкин в запретных зонах», записанная незадолго до смерти ученого на видео [25]. И в этом он совершенно прав и актуален. Настороженность вызывает другое: некоторая некорректность самого восприятия емкого по своей значимости выражения / формулы: «Пушкин – наше все» как *сентенции*, ибо оно в контексте с речью «Пушкин в запретных зонах» превращается в своеобразный перевертыш: «Все – наш Пушкин». Надо заметить, что это всеобъемлющее *все* содержит в себе такие факты, изучение которых закономерно входит в круг интересов психологов, нейрофизиологов, социологов, в т. ч. и приверженцев психоанализа, теперь обоснованно относимого к своего рода *мифологии*, приобретающей, по меткому замечанию философа А.М. Руткевича, «научообразную форму у получившего образование в колледже или университете представителя среднего класса» [19]. Но многие факты из *запретных* зон не являются продуктивными для литературоведения, особенно, когда подаются отдельным текстом. Они не только ничего не прибавляют к пониманию пушкинских открытий, осознанию особой значимости А. Пушкина для литературы и культуры в целом, но напротив мешают этому. И хотя принцип *бинарности* лежит в восприятиях А. Пушкина, о чем говорится, прежде всего, в работе, В. Новикова «Двадцать два мифа о Пушкине» (1999) – на нее опираются современные исследователи – сам автор заключил ее словами сомнения: «...допускаю, что и эта модель – тоже миф» [16]. Осмысляя взвешенные суждения В. Новикова, целесообразно иметь в виду, что принцип бинарного похода правомерен: ведь он основывается на бахтинском положении о карнавальности, но подходить к нему следует с большой осторожностью. И, по нашему мнению, выражение / формулу А. Григорьева «Пушкин – наше все» целесообразно рассматривать, исходя именно из понятия *присутствия*, введенного в научный обиход Л.Ф. Киселевой (1935–2006) в монографии «Пушкин в мире русской прозы XX века» (1999). Этот труд и по сей день не только не утратил своей актуальности, но – напротив – требует такого углубленного к себе подхода, который в рамках данной статьи невозможно осуществить. В связи с этим следует с особой тщательностью присмотреться к названиям глав-претекстов, которые, будучи выстроенными в горизонтальный ряд, образуют текст с определенным сюжетом, который уже говорит о разнообразии пушкинского присутствия в писательских текстах. Так, название первой главы – «Горький и Пушкин (Связь времен). Свет поэзии в прозе)», – обладая определенной долей суггестивности, вызывает в воображении образ прожекторного луча, который освещает неведомое пространство [8, с. 11]. И вот – название второй главы – «Пушкин в мире “сдвинутых вещей”, “смещенных понятий” (Зощенко, Олеша, Платонов)» [8, с. 162]. Названия последующих глав говорят, что присутствие его бывает и сокрытым, как в главе «Неосознанный Пушкин в “Тихом Доне” Шолохова (Черты поэтики), и явным, как в главах «Пушкинские идеалы в художественных замыслах Фадеева» [8, с. 288] и «Пушкинские реалии в “Мастере и Маргарите” Булгакова» [8, с. 350]. Конечно, исследовательница обращается ко многим приемам: это и признания самих писателей, и интертекстуализация, и тщательный текстовый анализ на уровне курсов. Но особенно ценной, на наш взгляд, является акцентуация Л. Киселевой – с внесением своих дополнений – положения В.В. Кожанова, изложенного им в статье «Станов-

ление классического стиля», о том, что «...слова Пушкина “помнят” свое пребывание, скажем, в стиле Ломоносова, Фонвизина, Карамзина, Батюшкова и др.”; как элементы художественного стиля они “включают в себя... тот смысл и окраску, какую они получили в стиле предшествующих и современных художников”» [Цит. по 8, с. 243]. Осмысляя это положение, указывая, что не только слова, но «и мотивы, образы, сюжеты и другие компоненты художественного мира крупного художника “помнят о своем прежнем пребывании”, хранят память о нем даже тогда, когда сам автор может и не помнить об этом» [8, с. 243], Л. Киселева приходит к важному выводу методологического характера:

«Обычное включение классиков в контекст своего текста, и не только стилевой, но и проблемный, дает, как правило, эффект двойного освещения: современности – прошлым, прошлого – современностью» [8, с. 244].

И если обратиться к монографии О. Богдановой, то она независимо от Л. Киселевой обнаружила, раскрыла и мастерски продемонстрировала самые многообразные формы пушкинского присутствия в произведениях XIX – начала XX вв. В «Современном взгляде на русскую литературу...» ненавязчиво и закономерно пушкинская маячит везде: в тексте, в подтексте и в метатекстовом пространстве, **но с разной степенью своей проявленности**. А. Пушкин не исчезает не только своими открытиями, о которых писал Ю. Лотман, анализируя поэтику романа А. Пушкина «Евгений Онегин»:

«Пушкин оборвал роман, «не договорив» сюжета. Он не хотел неисчерпаемость жизни сводить к завершенности литературного текста. Выносить приговор противоречило его поэтике. Но в «Евгении Онегине» он создал не только роман, но и *формулу русского романа*. Эта формула легла в основу всей последующей традиции русского реализма. Скрытые в ней возможности исследовали и Тургенев, и Гончаров, и Толстой, и Достоевский» [11, с. 17].

О. Богданова, не упуская этого из виду, представляет в статье / главе «“Сценическая поэма” А.С. Грибоедова “Горе от ума”» А. Пушкина – человека и писателя – решительно утверждающего свое видение художественных задач, но и способного понять другого художника, исходящего из иных эстетических и художественных установок. **Не случайно** исследовательница акцентирует те моменты в пушкинском восприятии грибоедовского произведения, которые фактически устранили видимое противоречие.

И это свойство богдановского подхода особенно ярко проявляется при рядоположении ее «Современного взгляда...» с монографией Л. Фризмана «Иван Франко: взгляд на литературу», в которой исследователь правомерно и своевременно, характеризуя особенности писательской критики, прибегнул к авторитету А. Пушкина как неопровержимому доказательству:

«Пушкин, – пишет ученый, – расхвалив некоторые частности в “Горе от ума”, в целом дал бессмертному творению Грибоедова отрицательную и совершенно ошибочную оценку: он не увидел “во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины”» [23, с. 25].

Конечно, Л. Фризман вроде бы и не погрешил против правды. Напротив, он сказал ее, процитировав слова А. Пушкина из письма к П.А. Вяземскому от 28 января 1825 г., **но только не всю**, ибо оставил без внимания пушкинское письмо к А.А. Бестужеву (конец января 1825 г.). Таким образом ученый, достигая своей цели, усилил специфические особенности писательской критики, которая в определенной мере действительно пристрастна. И все же говорить о *совершенной ошибочности* пушкинской оценки вряд ли приходится. Рядоположенная монография О. Богдановой, где приводится в доказательство несколько оценок поэта [3, с. 7–8], позволяет присмотреться к пушкинскому дискурсу и скорректировать фризманскую оценку:

«Драматического писателя, – говорится в письме к А. Бестужеву, – должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следовательно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличный комедии Грибоедова. Цель его – характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны» [3, с. 8].

Тут показателен ход мысли А. Пушкина и логика ее выражения: исходя из *должного*, не *осуждать* – установить *цель* – отметить *результат*. Но в то же время *сохранять* и *свои позиции*, выдвигая *новые задачи* и решая их. И такой логике поэт следовал всегда. Ему было свойственно находиться в диалогическом положении по отношению к *иному*, стремиться понимать правомерность его подходов и в то же время видеть проблему в новом ракурсе, реализовывать свой замысел и действовать уже по другому плану, что обосновано доказано и в монографии В.Б. Мусий, но на материале «Песней западных славян» [14, с. 36–39].

Но утверждая необходимость *судить драматурга по законам, им самим над собою признанным*, А. Пушкин все же – вдруг! – в размышлениях и оценках своих подменял законы в данном случае А. Грибоедова своими.

Вот почему в монографии О. Богдановой речь идет не просто об «ошибочности» восприятия грибоедовской комедии А. Пушкиным, П.А. Катениным, В.Г. Белинским, а об их правоте и неправоте одновременно:

«Они были правы, – пишет исследовательница, – ибо ориентировались на свою идею, на свой замысел, которые они хотели видеть и в комедии Грибоедова, и не находили им развития» [3, с. 42].

Глава об А. Грибоедове в структуре монографии выполняет особую роль. Во-первых, в ней действует живой А. Пушкин со своей непосредственной реакцией на комедию «Горе от ума», А. Пушкин, который продумывает полученные им впечатления и одновременно – как *зрелый художник* – анализирует ее с точки зрения формы, но через призму новых художественно-эстетических позиций, на чем и акцентирует О. Богданова. Во-вторых, тут же, с появлением имени В. Белинского поэт предстает в сознании реципиента, который не может не вспомнить статьи критика об А. Пушкине, тем, о ком скажут: «солнце нашей поэзии» и «Пушкин – наше все». Сам дискурс статьи способствует организации в дальнейшем подтекстового и метатекстового пространства, в котором прямо или опосредованно присутствует А. Пушкин. Знаком такого опосредованного присутствия является концептуальное завершение анализа «сценической поэмы», ее «разгадка», сформулированное новое ее прочтение, указывающее на конфликт «отцов и детей»:

«В итоге – в центре сценического столкновения пьесы Грибоедова «Горе от ума» оказываются не социальный и не любовные конфликты, но конфликт нравственный» [3, с. 43].

И дальше перекидывается мостик к шестой главе «“Кто тут прав, кто виноват решить не берусь...”: “Отцы и дети” И. С. Тургенева». Заголовок которой «обратным чтением» (Н. Гей) снимает кажущуюся категоричность вывода и призывает к дальнейшему разгадыванию «до сих пор неразгаданного... творения» (А. Блок):

«После Грибоедова конфликт “отцов и детей” рассматривается в русской литературе XIX века много раз. Между тем сегодня мы не стремимся возвести демократа-разночинца Базарова на пьедестал...» [3, с. 43].

Таким образом, О. Богданова, с одной стороны, закольцовывает статью, начатую эпиграфом из А. Блока, акцентируя на словосочетании «сегодня мы...», ставит задачу, а с другой – дает выход в просторы исканий русской литературы, организует подтекстовое и текстовое пространство, в котором имя Базарова заставляет вспомнить Д. Писарева, а с ним и А. Пушкина.

Надо отметить, что частотность прямого упоминания пушкинского имени велика, но каждый раз предстает в разном ракурсе. Появляется оно и в тексте главы «Велика та лестница, по которой он поднимается и спускается: “На дне” М. Горького», побуждая задуматься об отношениях «Горький – Пушкин». И, размышляя над ними, информированный читатель мысленно обращается прежде всего к монографии Л.Ф. Киселевой, где этот вопрос глубоко разрабатывается. И тут надо отметить, что *рядоположенные* монографии «Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.» О. Богдановой и «Пушкин в

мире русской прозы XX века» Л. Киселевой закономерно могут быть восприняты как литературоведческая диалогия, ибо в первом случае речь идет о присутствии А. Пушкина в литературном процессе конца XIX – начала XX вв., во втором – в XX в. Немаловажно и то, что пушкинское присутствие у О. Богдановой и Л. Киселевой обнаруживается неодинаковыми путями, а поэтому А. Пушкин не только откликается по-разному в творчестве того или иного писателя, но даже и себя проявляет с каких-то неожиданных сторон. И неудивительно: ведь речь идет о двух исторических эпохах, между которыми пролегал не один тяжелый кризис, оказавший сильнейшее влияние и на ход истории страны, судьбы мира, и на характер самого мышления человека. И тем не менее, – в т. ч. благодаря усилиям О. Богдановой и Л. Киселевой – происходит их стяжение в единый пространственно-временной континуум с его полифонией голосов, континуум, обладающий великой силой притяжения. И многие труды философов и литературоведов входят в орбиту тех поднятых временем проблем, которые, в частности, нашли свое достойное отражение в концептуальных подходах О. Богдановой и Л. Киселевой, многогранно освещающих реальное смысловое наполнение Григорьевской формулы «Пушкин – наше все...» во всей сложности и противоречивости. Очевидно, что и монография О. Богдановой ««Пушкин – наше все...»: Литература постмодерна и Пушкин» (2012) является важной составной в этом полилоге.

Все эти искания отражают реальное содержание формулы «Пушкин – наше все», которая, попадая в инонациональную среду, трансформируется в отдельную большую проблему – «Пушкин и наше все». И хотя здесь нет возможности ее развернуть, необходимо – на примере украинской критики и литературоведения обозначить только ее некоторые аспекты, расценивая их как один из вариантов присутствия, т. е. инобытия А. Пушкина в инонациональной литературе и культуре в целом.

Одним из них является важнейший аспект – осмысление А. Пушкина частью общечеловеческой культуры. Так, убежденный в том, что национальные культуры, сохраняя свою самобытность, тяготеют одновременно к очеловеченному универсуму, С. Б. Бурого говорил в одном из последних своих выступлений:

«Сегодня мы услышим, в частности о том, как мировая культура присутствует на страницах “Евгения Онегина”. Я не буду касаться этой темы подробно, лишь скажу о том, что любой национальный дух в поэзии, в том числе и в русской поэзии, великого русского поэта Александра Пушкина, совершенно необходим. Без него, можно так сказать, не существовали бы плоть и кровь этой поэзии, но он не исчерпывает ее сущности – она будет выше него, потому что главное измерение здесь, и у Пушкина в частности, – это человек, человек как таковой» [4, с. 482].

Но особенно важно то, что за художественным текстом С.Б. Бурого всегда видел самого писателя-человека и писателя в человеке, того самого, который есть мерою всех вещей. И если глубоко вдуматься в эти мысли, то станет ясно, каким одушевленным проявлением весь литературный процесс в нашем сознании.

Не менее значимым является имеющий глубокую традицию аспект осмысления роли *Кобзаря* в украинской литературе и культуре через тему Т. Шевченко и А. Пушкин. И тут прежде всего нужно обратиться к наследию И. Франко, о котором тоже в определенном смысле можно сказать: «И. Франко – наше все», ибо никто другой, как он, не исполнил во всей полноте шевченковский завет: «Учітесь, читайте, / чужому научайтесь, / й свого не цурайтесь».

И. Франко рассматривал проблему «Т. Шевченко и А. Пушкин» в парадигматических отношениях – *Свой / Другой* и *Свой / Не-свой*, что со всей очевидностью проявилось в его Предисловии к произведению Т. Шевченко «Перебендя» (1840). Указывая на присутствие А. Пушкина в шевченковском духовном мире, он одновременно отмечал отрицательное воздействие «русской школы и пушкинского воздействия на Т. Шевченко». Исходя из своих художественно-эстетических и политических взглядов, И. Франко не все в то время правильно воспринял не только у А. Пушкина, но и у Т. Шевченко, полагая, что под влиянием русского поэта и К. Брюллова он вроде бы отдал дань искусству для искусства, забыв о страданиях народа. Но в то же время И. Франко, конечно, глубоко понимая роль А. Пушкина в

русской литературе, измерял ею и исключительную роль Т. Шевченко в литературе украинской. Об этом доказательно пишет Л. Фризман в своей последней книге – «Иван Франко: взгляд на литературу» (2017) [23, с. 13–14]. Ученый подчеркивал частые упоминания *украинским писателем* русского поэта. А это говорило об его «устойчивом внимании и осведомленности о Пушкине и о серьезности сделанных им выводов» [23, с. 369]. Обоснованность сказанного опирается на тот факт, что И. Франко в 1914 г. «совершил подлинный переводческий подвиг. На протяжении восьми месяцев, преодолевая приступы тяжелой болезни, он подготовил издание драматических произведений Пушкина» [23, с. 374]. При этом новаторство И. Франко, как подчеркивает Л. Фризман, состояло в том, что он не рассказывал об А. Пушкине, а *показывал* его [23, с. 371], добиваясь того, чтобы реципиент сам постиг пушкинский стих [23, с. 374]. При этом, идя от своего понимания пушкинских текстов [23, с. 371], **И. Франко не только не скрывал своего отношения к ним, но наоборот – полемически заострял свое несогласие.**

Вопрос о «влиянии» А. Пушкина на творчество Т. Шевченко и теперь не исчезает с поля зрения украинского Шевченковедения и сопровождается теоретическим углублением самого понятия *влияния*, а это способствует проникновению в глубины творчества и миропредставлений не только эти двух корифеев русской и украинской литератур. Особенно продуктивными являются теоретические размышления И.М. Дзюбы, носящие ярко выраженный методологический характер:

«... варто, мабуть, говорити, – пише І. Дзюба, закликаючи до роздумів, – не тільки (і, може, не стільки) про впливи, як типологічну схожість (або несхожість). Типологічні порівняння – з погляду як схожості, так і несхожості (**несхожого в схожому і схожого в несхожому**) поглиблюють розуміння літературного явища, ставлячи його в історико-літературний контекст і самий контекст розгортаючи новими гранями» [6, с. 258].

Стимулирующая роль положения И. Дзюбы – чему способствует и его дискурс – очевидна. В доказательство приведем только один фрагмент:

«...«... Шевченкові “Гайдамаки”, – пише І. Дзюба, – були новим словом, утверждали примат фактів народного життя над літературними стереотипами.

Можливо, не зайве буде згадати, як пояснював Пушкін відсутність у тогочасній російській літературі драми і трагедії. “Драма никогда не была у нас потребностью народною”. На заході трагедія “родилась на площади”. «Трагедия наша, образованная по примеру трагедии Расина, может ли отказаться от аристократических своих привычек, от своего разговора, размеренного, важного и напыщенно благопристойного? Как ей перейти к грубой откровенности народных страстей. К вольности суждений площади?.. Це написано 1830 року з приводу драми М. Погодіна “Марфа Посадница”, але може бути сприйняте і як мотивація “Бориса Годунова”. Немає жодних підстав говорити про якийсь вплив цієї концепції на Шевченкових “Гайдамаків”, але “грубая откровенность народных страстей” і “вольность суждений площади” тобто полнокровна картина народного зриву, в них очевидна» [6, с. 143–144].

Не трудно заметить, что начальный тезис этого фрагмента: «Шевченкові “Гайдамаки”... утверждали примат фактів народного життя над літературними стереотипами», – формирует представление о таком вкладе поэта в украинскую литературу, который ставит ее на новый, высший уровень развития. А «предоставление слова» А. Пушкину, подчеркивая значимость шевченковского вклада, одновременно поднимает вопрос о *сходстве / несходстве* ментальных вклада двух народов.

Осмысляя в парадигме *Свой/Другой* с позиций «Пушкин **и** наше все» в широком историческом и историко-литературном контекстах соотношения двух миров – мир Т. Шевченко и мир А. Пушкина – и не избегая острых тем (Кавказ и польское восстание 1831), И. Дзюба последовательно – как И. Франко – реализует Шевченковское завещание: «Учітесь, читайте, / чужому научайтесь, / Й свого не цурайтесь».

Это же можно сказать, когда заходит речь о Петербурге и Петербургском тексте, частью которого является и концепция Т. Шевченка. И то, что актуальность этой темы не исчезает, свидетельствует монография Ю. Барабаша – «Коли забуду тебе, Єрусалиме... Гоголь і Шевченко» (2011).

Анализ фундаментального труда И. Дзюбы «Тарас Шевченко. Життя і творчість» доказывает, что своим содержанием, освещением *присутствия* А. Пушкина в украинском сознании, всем своим, пафосом и гуманистической направленностью она выходит за границы национальных интересов и приобретает общечеловеческое значение.

Несколько иначе к проблеме «Пушкин и наше все» подходит Е. Сверстюк в книге «Гоголь і українська ніч: есеї» (2015), новаторство которой состоит в глубоком понимании диалектики взаимоотношений «своего» и «не-своего», убедительно доказывая, что в этой ситуации человек, приобретая многое, одновременно находится под угрозой и *потерять себя*. Кстати, эту проблему поднимал и А. Пушкин, что раскрывается в монографии В. Мусий «Образ “своего”, “юного”, “чужого” в русской прозе первой половины XIX века» (2011) [14, с. 63–97], **Вот перед такой опасностью оказался и Н. Гоголь, о чем и говорится с мастерским психологическим анализом в эссе «Міт про Гоголя і Пушкіна». Опираюсь на факты, Є. Сверстюк доказує, що Н. Гоголь, не отрекаясь от А. Пушкина, до конца своих дней оставался верным самому себе.**

В завершение следует отметить, что, уже исходя из сказанного в статье, а сказано далеко не все, и само сказанное в ней скорее – постановка проблемы, чем ее решение, формула А. Григорьева «Пушкин – наше все» в современном литературоведении **предстает в своей многоаспектности. Да, он выступает и как авторитет. Так, философ И. Ильин пишет, говоря о природе художественного творчества:**

«Каждый настоящий художник носит чувство или даже сознательное убеждение, что в процессе творчества ему не все позволено...» [7, с. 335].

И в подтверждение своей правоты добавляет как неопровержимое доказательство:

«Вот так, как однажды Пушкин, негодуя на безвкусную и уродливую правку цензора в его стихе, восклицал так: “я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать”» [7, с. 335].

Это же наблюдается и в восприятиях творчества А. Пушкина в инациональной среде, в частности, в украинском литературоведении. Несмотря на все контroversы, которые не все правомерны, выдающиеся ученые придерживаются такого же мнения. Так, М. Наненко в статье «Жанри канонічні і... постмодерні» (2015) утверждает:

«... змістом у мистецтві є його форма, то... Для декого це звучить ретроградно, бо, мовляв, завжди треба говорити про єдність змісту й форми, тобто – про формозміст, але погодьмося: в кожному творі (крім змісту-духу і художньої форми) більше нічого немає, як би пильно ми в нього не вдивлялися. На домінантності форми свого часу акцентував навіть не літературознавець, а «чистий» поет, О. Пушкін: якщо, казав він, «замість форми твору будемо класти в основу лише дух, у якому він написаний, то ніколи не виплутаємося з визначень» [15, с. 33].

Однако и в этом утонченно-философском осмыслении взаимоотношений мысли и слова, нет и следа апологетики.

В ходе дальнейшего изучения этого вопроса, на наш взгляд, целесообразно опираться наряду с существующими методами анализа и на метод *рядоположения*: важно прочитать не только ход мыслей каждого автора и его открытую реакцию на других, а и диалог самих книг. Заметим, что среди них в этом плане особенно интересны «Поэтология фаустовской культуры: “Закат Европы” Освальда Шпенглера и литературный процесс 1923–1930-х гг.» (2013) А.А. Степановой – не только в связи с пушкинским “Фаустом”, но и темой города [28], а также «Аргументы формы» (2015) О.В. Червинской [29] (в теоретическом аспекте).

Список использованных источников

1. Благой Д. Примечания / Д. Благой // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. –Т. I. – С. 525–554.
2. Богданова О.В. «Пушкин – наше все...»: Литература постмодерна и Пушкин / О.В. Богданова. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 239 с.
3. Богданова О.В. Современный взгляд на русскую литературу XIX–середины XX вв. / О.В. Богданова. – СПб.: ИПК Береста, 2017. – 560 с.
4. Бурого С.Б. Набег язычества на рубеже веков / С.Б. Бурого. – Киев: Изд. Дом Дмитрия Бурого, 2013. – 672 с.
5. Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина / А.А. Григорьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/89/885603.pdf> (дата обращения 10.10.2018).
6. Дзюба І.М. Тарас Шевченко. Життя і творчість / І.М. Дзюба. – Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 718 с.
7. Ильин И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
8. Киселева Л.Ф. Пушкин в мире русской прозы XX века / Л.Ф. Киселева. – М.: Наследие, 1999. – 362 с.
9. Лазаревский Б.А. В Ясной Поляне / Б.А. Лазаревский // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. – СПб.: Пальмира; М.: ООО «Книга по Требованию», 2017. – Т. 2. – С. 321–329.
10. Литовченко М.В. Пушкинская традиция в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Литовченко. – Кемерово, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/pushkinskaya-tr.ditsiya-v-proze-a-p-chehova> (дата обращения 10.10.2018).
11. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
12. Лотман Ю.М. Пушкин / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – 847 с.
13. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1992. – 177 с.
14. Мусий В.Б. Образ «своего», «иног», «чужого» в русской прозе первой половины XIX века / В. Мусий. – Одесса: Астропринт, 2011. – 168 с.
15. Наенко М.К. Жанри канонічні і... постмодерні / М.К. Наенко // Філологічні семінари. – 2015. – Вип. 18. – С. 5–11.
16. Новиков В.И. Двадцать два мифа о Пушкине / В.И. Новиков // Время и мы. – М.; Нью-Йорк, 1999. – С. 143–156 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/project/arss/novikov/pushkin.html> (дата обращения 10.10.2018).
17. Пушкин А.С. Герой / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: В 10-ти т. – М.: Изд.-во АН СССР, 1957. – Т. 3. – С. 198–200.
18. Разумова Н.Е. Чехов – это Пушкин в прозе / Н.Е. Разумова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – Вып. 8 (71). – С. 145–147.
19. Руткевич А.М. Научный статус психоанализа / А.М. Руткевич // Вопросы философии. – 2000. – № 10. – С. 9–14.
20. Седова Г.М. Почему «Пушкин – наше все» / Г.М. Седова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/s/vopros/pushkin-nashe-vse> (дата обращения 10.10.2018).
21. Слина Э.В. Чехов и Пушкин / Э.В. Слина // Пушкинский сборник. – Псков: Изд-во Псковского ун-та, 1968. – С. 132–139.
22. Тарарак А.В. Интерпретация наполеоновского мифа в русской литературе XIX – начала XX вв. // А.В. Тарарак. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2014. – 340 с.
23. Фризман Л.Г. Иван Франко: взгляд на литературу / Л.Г. Фризман. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2017. – 608 с.
24. Фризман Л.Г. Предварительные итоги / Л.Г. Фризман. – Харьков: Новое слово, 2005. – 598 с.

25. Фризман Л.Г. Пушкин в запретных зонах. Речь на видео / Л. Г. Фризман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/wNQDEQ1WICY> (дата обращения 10.10.2018).

26. Фризман Л.Г. Семинарий по Пушкину / Л.Г. Фризман. – Харьков: ЭНГРАМ, 1995. – 367 с.

27. Шеметова Т.Н. Пушкин в русской литературе XX века. От Ахматовой до Бродского / Т.Н. Шеметова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/tatyana-shemetova-11121088/pushkin-v-russkoy-literature-hh-veka-ot-ahmatovoy-do-brodskogo/chitat-onlayn/page-2/#note-m140239418214992> (дата обращения 10.10.2018).

28. Степанова А.А. Поэтология фаустовской культуры. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг. / А.А. Степанова. – Днепропетровск: Университет имени Альфреда Нобеля, 2013. – 496 с.

29. Червінська О.В. Аргументи форми / О.В. Червінська. – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2015. – 384 с.

“PUSHKIN IS OUR EVERYTHING” IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

Luiza K. Oliander, Lesya Ukrainka Eastern European National University (Ukraine). E-mail: olk32@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-3

Key words: *aphorism, binary, discourse, carnival, text, metatext, model, narration, presence, “Pushkin is our everything”, A. Pushkin, I. Franko, T. Shevchenko.*

The article describes the conceptual approaches of O.V. Bogdanova, S.B. Burago, I.M. Dziuba, L.F. Kiseleva, V.V. Kozhanova, M.K. Mamardashvili, V.B. Musiy, V.I. Novikov, Ye.A. Sverstyuk, E.V. Slinina, I.Ya. Franko, L.G. Frizman T.N. Shemetova, and others to A.S. Pushkin’s role in the literature and culture. Much attention is paid to the controversial semantic content of A. Grigoriev’s aphorism “Pushkin is our everything”. Based on the reception of “*riadopolozheniye*” (positioning) of a number of research papers by these authors, the dialogical relations between them are interpreted, their complementary and corrective function is proved. Frisman’s “Pushkin Seminary” was described in detail along with M.V. Litovchenko’s thesis “Pushkin Tradition in A.P. Chekhov’s Prose” (2007), which presents “a huge layer of materials of criticism and literary criticism”. It was shown as “Pushkin Seminary” by Frizman, along with the monograph “Modern Look at Russian Literature of the 19th – Middle of the 20th Centuries” by O. Bogdanova, creates conditions for the recipient to specify A. Pushkin’s presence at the metatext of its text in many chapters of the book, but first of all in those where we are reading about A. Chekhov. It is proved that during (“*riadopolozheniye*”) positioning of the texts of different authors such conditions are created that contribute to the perception of Bogdanov’s vision of Pushkin’s presence in the works of A. Chekhov in the context of the space-time continuum of Chekhov studies. It is noted that the activation of divergent – non-linear – thinking, which is promoted by the method of rationalization of multidimensional research, allows you to capture the diversity of the specific presence of A. Pushkin in the works of writers and to comprehend this unique phenomenon presented in the monograph of O. Bogdanova in the context of modern literary criticism achievements. The expression / formula of A. Grigoriev “Pushkin is our **everything**” is considered on the basis of the concept of *presence*, introduced into the scientific circulation by L.F. Kiseleva in the monograph “Pushkin in the world of Russian prose of the 20th century”. The monograph of O.V. Bogdanova and the monograph of L.F. Kiseleva are naturally presented as a literary diology: in the first case, it is about the presence of A. Pushkin in the literary process of the late 19th – early 20th centuries, in the second – in the 20th century. On the material of Ukrainian literature – works of I. Franko, S. Burago, I. Dziuba, Ye. Sverstyuk – binary oppositions “Pushkin is our **everything**” / “Pushkin and our everything” are analyzed. It is proposed for further research to rely along with the existing methods of analysis on the method of “*riadopolozheniye*” (positioning), reading not only the train of thoughts of each author and his open reaction to others, but also the dialogue of the books themselves.

References

1. Blagoj, D. *Primechanija* [Notes]. In: Pushkin, A.S. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vol.]. Moscow, GИHL Publ., 1959-1962, vol. I, pp. 525-554.

2. Bogdanova, O.V. «Pushkin – nashe vse...»: *Literatura postmoderna i Pushkin* [«Pushkin – our everything...»: Literature of a postmodern and Pushkin]. Saint Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009, 239 p.
3. Bogdanova, O.V. *Sovremennyy vzgljad na russkuju literaturu XIX–serediny XX vv.* [Modern sight at the Russian literature of the 19th – the middle of the 20th centuries]. Saint Petersburg, IPK Beresta Publ., 2017, 560 p.
4. Burago, S.B. *Nabeg jazychestva na rubezhe vekov* [Paganism`s attack on a boundary of centuries]. Kyiv, Izd. Dom Dmitrija Burago Publ., 2013, 672 p.
5. Grigor'ev, A.A. *Vzgljad na russkuju literaturu so smerti Pushkina* [Sight at the Russian literature from Pushkin's death]. Available at: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/89/885603.pdf> (Accessed 10 October 2018).
6. Dziuba, I.M. *Taras Shevchenko. Zhyttia i tvorchist'* [Taras Shevchenko. Life and work]. Kyiv, Vyd.dim «Kyievo-Mohylians'ka akademiia» Publ., 2008, 718 p.
7. Il'in, I.A. *Put' k ochevidnosti* [Way to evidence]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 431 p.
8. Kiseleva, L.F. *Pushkin v mire russkoj prozy XX veka* [Pushkin in the world of Russian prose of the 20th century]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, 362 p.
9. Lazarevskij, B.A. *V Jasnoj Poljane* [In Yasnaya polyana]. *L.N. Tolstoj v vospominanijah sovremnikov: v 2 t.* [L.N. Tolstoy in memoirs of contemporaries: in 2 vol.]. Saint Petersburg, Pal'mira Publ., Moscow, OOO «Kniga po Trebovaniju» Publ., 2017, vol. 2, pp. 321-329.
10. Litovchenko, M.V. *Pushkinskaja tradicija v proze A.P. Chehova*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Pushkin tradition in A.P. Chekhov's prose. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Kemerovo, 2007. Available at: <http://cheloveknauka.com/pushkinskaya-tr.ditsiya-v-proze-a-p-chehova> (Accessed 10 October 2018).
11. Lotman, Ju.M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [At school of a poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1988, 352 p.
12. Lotman, Ju.M. *Pushkin* [Pushkin]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1995, 847 p.
13. Mamardashvili, M.K. *Kak ja ponimaju filosofiju* [As I understand Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1992, 177 p.
14. Musij, V.B. *Obraz «svoego», «inogo», «chuzhogo» v russkoj proze pervoj poloviny XIX veka* [Image of “own”, “other”, “another's” in Russian prose of the first half of the 19th century]. Odessa, Astroprint, 2011, 168 p.
15. Naienko, M.K. *Zhanry kanonichni i... postmoderni* [Canonical and postmodern genres]. *Filolohichni seminarij* [Philological Seminars], 2015, issue 18, pp. 5-11.
16. Novikov, V.I. *Dvadcat' dva mifa o Pushkine* [Twenty two myths about Pushkin]. *Vremja i my* [Time and we are]. Moscow, New-York, 1999, pp. 143-156. Available at: <http://magazines.russ.ru/project/arss/novikov/pushkin.html> (Accessed 10 October 2018).
17. Pushkin, A.S. *Geroj* [The Hero]. *Poln. sobr. soch.: v 10 t.* [Complete works: in 10 vol.]. Moscow, Izd. AN SSSR Publ., 1957, vol. 3, pp. 198-200.
18. Razumova, N.E. *Chehov – jeto Pushkin v proze* [Chekhov is Pushkin in prose]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki (filologija)* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Series: Humanities (Philology)]. Tomsk, Izd-vo TGPU Publ., 2007, issue 8 (71), pp. 145-147.
19. Rutkevich, A.M. *Nauchnyj status psihoanaliza* [Scientific status of psychoanalysis]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2000, no. 10, pp. 9-14.
20. Sedova, G.M. *Pochemu «Pushkin – nashe vse»* [Why “Pushkin – our everything”]. Available at: <https://www.culture.ru/s/vopros/pushkin-nashe-vse> (Accessed 10 October 2018).
21. Slinina, Je.V. *Chehov i Pushkin* [Chekhov and Pushkin]. *Pushkinskij sbornik* [The Pushkin collection]. Pskov, Izd-vo pskovskogo un-ta Publ., 1968, pp. 132-139.
22. Tararak, A.V. *Intepretacija napoleonovskogo mifa v russkoj literature XIX – nachala XX vv.* [Interpretation of napoleonic myth in the Russian Literature of the 19th – the beginnings of the 20th centuries]. Kyiv, Izdatel'skij dom Dmitrija Burago Publ., 2014, 340 p.
23. Frizman, L.G. *Ivan Franko: vzgljad na literaturu* [Ivan Franko: a sight at the Literature]. Kyiv, Izdatel'skij dom Dmitrija Burago Publ., 2017, 608 p.
24. Frizman, L.G. *Predvaritel'nye itogi* [Preliminary results]. Kharkov, Novoe slovo Publ., 2005, 598 p.
25. Frizman, L.G. *Pushkin v zapretnyh zonah. Rech' na video* [Pushkin in prohibited zones. Speech on video]. Available at: <https://youtu.be/wNQDEQ1WICY> (Accessed 10 October 2018).
26. Frizman, L.G. *Seminarij po Pushkinu* [Seminar on Pushkin]. Kharkov, ENGRAM Publ., 1995, 367 p.
27. Shemetova, T.N. *Pushkin v russkoj literature XX veka. Ot Ahmatovoj do Brodskogo* [Pushkin in the Russian literature of the 20th centuries. From Akhmatova to Brodsky]. Available at: <https://www.litres.ru/tatyana-shemetova-11121088/pushkin-v-russkoj-literature-hh-ve>

ka-ot-ahmatovoy-do-brodskogo/chitat-onlayn/page-2/#note-m140239418214992
10 October 2018).

(Accessed

28. Stepanova, A.A. *Pojetologija faustovskoj kul'tury. «Zakat Evropy» Osva'da Shpenglera i literaturnyj process 1920–1930-h gg.* [Poetology of Faustian culture. “The Decline of the West” by Oswald Spengler and literary process of 1920-1930]. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovskij universitet imeni Al'freda Nobelja Publ., 2013, 496 p.

29. Chervins'ka, O.V. *Arhumenty formy* [Arguments of the form]. Chernivtsi, Chernivets'kyj nats. un-t Publ., 2015, 384 p.

Одержано 5.10.2018.